

ЗАТЕРЯННЫЕ В СЕНТЯБРЕ

Ника Созонова

Ника Созонова
Затерянные в сентябре

«Автор»

2026

Созонова Н.

Затерянные в сентябре / Н. Созонова — «Автор», 2026

Маленькая повесть-сказка, сон-фантазмагория. Очередное признание в любви моему Питеру - прекрасному и страшному, черному и серебряному, теплomu и ледяному.

© Созонова Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
1. Лапуфка, или осваиваясь	8
2. Антон, или заблудившийся в воспоминаниях	13
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Ника Созонова

Затерянные в сентябре

Пролог

Мне 82 года, и иногда я ощущаю себя старой, как весь этот мир, или даже еще старше. У меня был муж, дети и внуки, но муж умер, дети живут в других городах, и я совсем одна. Чужие люди, чужие судьбы вокруг... Давно пришла пора умереть, потому что человек живет только пока он кому-нибудь нужен, а у меня не осталось даже подруг.

А потом наступило сегодня, вечное сегодня. Я проснулась рано, разбуженная легкостью, окутавшей мое тело. В моем возрасте проснуться - это уже достижение, а тут - ни одна косточка не болела, и даже морщины, как обычно смотревшие на меня из зеркала, казались не безобразным, но мягким и ласковым росчерком времени, отметившим мое лицо. В них была мудрость китайских иероглифов и покой. Что-то было не так, что-то произошло: не доносились обычные утренние звуки - шум воды, струящейся в ванной, ругань соседей на коммунальной кухне, пьяный храп за тонкой стеной.

Я никого не встретила, когда вышла из комнаты, а затем из парадной. Я не удивилась. Просто решила, что наконец умерла и попала в другой мир. Он был точной копией Питера, но совершенно пустого.

Яркий сентябрь одел город в свои одежды. Воздух казался таким же чистым, как во времена моей молодости. Ни одной машины, ни одного человека, ни даже кошки или голубя - совсем как в рассказе Рея Бредбери про семью из трех человек, обнаруживших, что они одни на всем свете. Правда, они сами пожелали накануне, чтобы на Земле кроме них никого не осталось. Я же ни о чем таком не думала перед сном, никого не проклинала, а даже наоборот, помолилась Богу за милую девочку, что помогла мне донести сумку с продуктами на третий этаж.

А потом я встретила остальных. Первым был Чечен. Он сидел на корточках у решетки Летнего сада, и его цветастая куртка вливалась в яркое пятно опавшей листвы. Он представился как Ахмет, а потом с улыбкой добавил:

— Все Чеченом кличут, так что вы, матушка, тоже можете меня так звать. Помнится, я долго вглядывалась в его умное восточное лицо, помеченное печатью возраста, с жесткими губами и темными глазами, в которые трудно было смотреть дольше двух секунд. Глаза человека, который принял боль, взвалил ее на свои плечи и понес - молча и не оглядываясь, ни с кем ею не делясь.

Мне не хотелось спрашивать, что случилось и где мы: отчего-то я была уверена, что он не сможет удовлетворить мое любопытство. Да и не было, в сущности, особого любопытства - я просто наслаждалась самим бытием, чего со мной не случалось очень давно. И еще мне было радостно, что я не одна. Я очень давно не говорила ни с кем по-человечески: врачи в поликлинике и кассирши в универсаме не в счет.

— Ну что, сынок, пойдём?

— Куда, матушка?

— Искать других.

— А вы думаете, что есть еще кто-нибудь? Я пожала плечами и отказалась от галантно поданной мне руки.

Мы шли, и город медленно плыл рядом с нами - коронованный осенью, усталый сумрачный господин. Черный стройный чугун решетки и черные стволы древних лип взрывались алыми и золотыми пятнами листвы, кружили головы. Громада Михайловского замка, к кото-

рому мы свернули, казалась не мрачной, не ассоциировалась с душегубством и кровью, как обычно, но торжественно гармонировала с листопадом и тишиной. На ступеньках замка мы встретили Эмму. Она судорожно плакала, опустив голову на постамент статуи, величавой и равнодушной.

Чечен подошел к ней и опустил на плечо руку. Она дернулась и оттолкнула его. А потом забормотала очень быстро, кажется, не понимая и не видя, кто перед ней, и мечтая только об одном: выговориться:

— У меня дети, трое. Сашке четырнадцать, самый трудный возраст, Аленушке восемь, а Павлик еще совсем маленький, в детский сад ходит. Сегодня просыпаюсь, чтобы младшего в садик будить, а его нету, и никого нету. Что с нами?.. Где мои дети?..

Она подвывала и раскачивалась, а мы с Чеченом стояли и смотрели, не зная, что делать. Истерика прекратилась разом. Она взглянула на нас вполне осмысленно.

— А вы кто такие?

— Меня зовут бабушка Длора, а это Чечен. Только не спрашивай, что произошло - мы сами ничего про это не знаем.

— Значит, нужно найти того, кто знает. Она собралась, промокнула слезы и коротко представилась:

— Эмма.

И стала вдруг похожа на свой плащ: элегантный, серо-стальной и наглухо застегнутый. У бровей сухая складка - значит, много хмурится. А вот морщинок в уголках карих глаз почти нет - видно, смех не является ее частым гостем. Ровно подстриженные и уложенные волосы, ухоженные ногти, белые зубы - сейчас она явно стыдилась, что мы видели ее слезы, ее слабость.

И опять мы шли, уже втроем. И я почувствовала усталость - легкую и приятную. Меня оставили на скамейке у Пушкина - кудрявого размашистого и торжественного, наказав никуда не отходить. Белоснежные свежеекрашенные скамейки были пусты. И вся площадь с величаво-желтой громадой музея - пуста. Я да Пушкин. Поэт молчал, застыло-взволнованный, и вдруг опустил вздетую правую руку и почесал ею затылок. А затем вновь вытянул, как положено. Впрочем, это мне, видимо, померещилось на переходе к дреме - ведь я задремала в ожидании своих спутников. Мне привиделась стайка пегих лошадей с крыльями, парящих над городом, режущих прохладный небосвод громким ржанием. Одна из лошадок зацепилась крылом за шпиль Петропавловки, и вниз посыпались перья. Но земли касались уже листья - узорчатые, багряные и золотистые.

— Можно присесть?

— А разве вы видите толпы желающих занять это вакантное место?

— Я очень обрадовалась голосу, что вывел меня из дремы.

Еще один человек - живой, настоящий. Невысокий юноша с длинными волнистыми волосами, забранными в хвост. Серо-голубые глаза с усталыми тенями под ними, узкий подбородок, породистый нос. На худощавой мальчишеской фигуре была кожаная куртка со вставками из буро-рыжей шерсти, подчеркивавшая выражение звериной настороженности во взгляде и во всем облике.

— Меня зовут Последний Волк.

— Интересное прозвище.

Ну, какой же ты Волк? - ласково подумалось мне. - На матерого зверя никак не тянешь. Волк-подросток, Волчонок - изгнанный из стаи или сам сбежавший от всех ради призрачной свободы.

— Это не прозвище, а имя, и другого у меня нет. Я выбросил свой паспорт в шестнадцать лет, как только получил. Мне кажется, что документы могут быть у вещей: телевизора или стиральной машины, а у человека их быть не должно. С тех пор вот уже тринадцать лет я зовусь так, и, думаю, за такой срок имя вполне стало истинным.

— Конечно. Разве я спорю? Да вы присаживайтесь, молодой человек! И не кипятитесь - это может плохо сказаться на вашей нервной системе.

Секунду подумав, он взлетел на спинку скамейки, спустив ноги в кроссовках рядом со мной. Замер, будто прислушался. А затем улыбнулся. А я и не кипячусь. Нервы же мои беречь бесполезно, поскольку их давно уже нету.

— Мы кого-то ждем?

— Да. Остальных. А вот и они, кстати, - я кивнула в сторону канала Грибоедова, откуда к нам неторопливо подходили мои новые знакомые. - Кажется, они тоже с пополнением.

— По-моему, среди них принцесса, - Волк вглядывался в приближающиеся фигуры, жмурясь и улыбаясь.

Я проследила за его взором. Да уж... На дочь короля идущая рядом с Эммой девушка была мало похожа. Скорее, на индианку или нищенку-цыганку. У нее была огромная золотисто-каштановая грива (иначе и не скажешь), вся перевитая разноцветными нитками и ленточками, украшенная странными конструкциями из перьев и бусинок. На худенькой фигурке болтался вельветовый пиджак с букетом высохших маргариток в петличке. Широкая и длинная зеленая юбка, из-под которой выглядывали носки красных кед, подметала листья на мостовой. Когда создание подошло ближе, я почувствовала острую жалость: безобразный шрам уродовал девичью щеку, а на правой руке не хватало трех пальцев. А глаза синие-синие. Они словно перечеркивали ее уродство - в них хотелось смотреть бесконечно, падать и падать, не достигая дна. Пожалуй, Волк прав: принцесса.

— Синяя Бялка, к вашим услугам, - поравнявшись с нашей скамейкой, она присела в реверансе. А потом прыснула и залилась детским смехом. И Питер будто вторил ей, раскачав в отсутствие ветра кроны лип, так что яркая листва заплясала в воздухе.

— Видите, я его любимица! - Девушка горделиво тряхнула гривой. — Потому я здесь, с вами. Но об этом пока т-ссс... — Она приложила к губам палец.

— Мне кажется, что это дитя знает обо всем происходящем гораздо больше, чем мы с вами, - заметил Чечен, покачав головой.

— А это Лапуфка, знакомьтесь, бабушка Длора!

Он развернул сверток, который бережно держал в руках. В нем оказался ребенок четырех-пяти лет. Белокурый, как ангел, непонятного пола, ужасно трогательный. Таких любят изображать на пасхальных и рождественских открытках. Я не удержалась и воскликнула:

— Бог ты мой, какая кроха!

И тут он открыл глаза и сонно протер их кулачками. И потянулся ко мне — отчего мое сердце окончательно растаяло.

Последним, кого мы встретили, был Антон. Он стоял на набережной Мойки, и костяшки его пальцев были разбиты. Едва мы приблизились, он бросился на нас, и Волк с Чеченом с трудом сдержали его. Он кричал, и хрипый крик отскакивал от воды и от стен зданий, извергался сухим водопадом на наши уши и головы.

— Кто вы?! Что вы сделали со всеми остальными людьми?.. Какого черта вам нужно??!..

Внезапно Бялка шагнула к нему и поцеловала в губы. Сильно-сильно, наотмашь, словно дала пощечину. Мне показалось, что Волк вздрогнул и отвел глаза. Антон же сплюнул и проборкотал тихо и зло:

— Отвали от меня, уродина. У меня свадьба сегодня должна была быть...

1. Лапуфка, или осваиваясь

Он был точно уверен, что он мальчик. Ему об этом сказали родители. Но вот посторонние люди постоянно называли его девочкой. Говорили маме, что у нее прелестная дочурка, просто лапочка. Потом Лапочкой, или Лапуфкой его стали называть домашние. А своего имени, честно говоря, он уже и не помнил — так редко его употребляли.

Ему жилось хорошо, даже очень хорошо. Пока он не заболел. Нет, у него ничего не болело, просто его перестали выпускать гулять. И он почти все время лежал в кровати, даже когда за окном было солнце и лето, и все остальные дети играли на улице или уезжали к морю. Как он уезжал — с мамой и папой в прошлом году. Ему давали много невкусных таблеток и делали уколы — правда, не больно. Зато и вкусного давали гораздо больше, чем когда он был здоровым: красные гранаты, зеленый виноград, желтый мед и оранжевую солененькую икру, похожую на янтарные бусы. Мама читала ему вслух книжки. Она не всегда могла читать и разговаривать с ним — говорила, что глазки ее устали и оттого слезятся. Она уходила в свою комнату, но он не скучал, потому что мама включала веселые мультики. Однажды его забрали в больницу — и вот там было плохо. Хотя мама опять была рядом, не отходила от него ни на шаг. Он очень радовался, когда вернулся домой. В больнице его красивые светлые волосы сбрили, и это было хорошо: теперь никто больше не назовет его девчонкой. Но они скоро вновь отрасли. Правда, девчонкой называть его уже было некому — к ним почти перестали приходиться гости. И даже папу он видел теперь редко: мама говорила, что папа много работает, потому что им нужно много денег. Зачем? — ведь у них и так все есть. Затем, чтобы ты был здоровым и крепким, говорила мама. Но он не становился крепким...

Когда сегодня утром он проснулся и никого не увидел, то очень испугался. Папа был на работе, но мама всегда была дома, с ним. Он искал ее по всей квартире, заглядывал под тахту и открывал платяной шкаф, но она пропала совсем. Он заплакал и бросился на улицу. Там было еще страшнее — потому что очень просторно и совсем никого нет. Он бродил по пустым улицам и звал маму, пока его не нашла Синяя Бялка и не повела на какую-то крышу. Они там сидели рядышком и рассматривали лоскутки газонов, красивые деревья, обшарпанные и блестящие крыши внизу. И ему перестало быть страшно, и стало очень даже хорошо. Бялка оказалась замечательной. Сперва он побаивался ее лица и руки без пальцев, и именно поэтому разглядывал их очень внимательно. А она рассмеялась:

— Перестань! Мне щекотно от твоего взгляда. Это надо мной братец старший прикольнулся. Мы ехали тогда в поезде, я была совсем мелкой, и он сказал: 'Высунись в окно по пояс, и тогда сможешь взлететь! Ветер от поезда поднимет тебя высоко-высоко, и ты увидишь весь мир под тобой — маленький и круглый, как дыня'. Ну, я и послушалась. Знаешь, никогда не верь тому, кто говорит, что может научить тебя летать. Мы все научимся этому сами, но только когда придет время.

— И я тоже смогу летать?

— Конечно, Лапуфка.

Она подхватила его на руки и закружила на самом краю покато́й ребристой крыши. Казалось, еще чуть-чуть, и они рухнут вниз, на мостовую, заметенную палой листвой. Потом Бялка успокоилась и сказала, что пора спускаться: их уже ждут. Она так и несла его на руках — хотя он был уже большой мальчик и, наверно, тяжелый, а он, склонив голову на ее плечо, задремал.

А потом были другие люди, другие руки и плечи, и он то просыпался, то вновь окунался в сон, и снились ему бумажные корабли, скользящие по невской глади, сотни и тысячи корабликов... и печальные сфинксы, мимо которых они проплывали, кивали им своими гладкими головами. И он был капитаном одного из них, оловянным солдатиком, и плащом ему служил золотой осиновый лист.

— И что же мы будем делать?

Эмма покачивала ногой в узком лаковом сапожке. Странно: несмотря на высокие каблуки, на которых она ходила полдня, ноги совсем не устали. Напротив, в них трепетало желание еще куда-то идти, нестись - словно ее обули в крылатые сандалии Гермеса, вестника богов.

— Надо поискать кого-нибудь еще из выживших... оставшихся, — Чечен запнулся, подбирая нужное слово.

— Нет, нам не нужно никого больше искать! Мы все в сборе, — Синяя Бялка сидела на поребрике мостовой и выдала это с озорной улыбкой напраказившего ребенка.

Антон подлетел к ней и, ухватив за плечи, рывком поставил на ноги.

— Ты что-то знаешь! Отвечай, ведьма!.. Это ты нас сюда притащила. Где, где моя Настена?! Где все, черт возьми?.. Отвечай, что ты со всеми нами сделала?!..

Он тряс ее, и голова девушки беспомощно болталась из стороны в сторону, а рот испуганно приоткрылся. Волк шагнул к ним, но Антон уже отпустил ее - так же резко, как и схватил. Синяя Бялка зашаталась и удержалась, лишь ухватившись за Волка. Тот тихо заговорил ей что-то успокаивающе-ласковое.

— Вы все сговорились, да?.. - Антон попятился, пока не уперся затылком в стену дома. — Ну, скажите, зачем я вам нужен?!..

Он сполз по стене на корточки и заплакал.

Лапуфку разбудили его крики. Он заворочался в руках Чечена, и тот опустил его на асфальт. Ребенок с изумлением взирал на взрослого дяденьку, сотрясавшегося в конвульсиях.

— Что с ним? — потянул он за рукав бабушку Длору.

— Ему плохо, малыш, очень плохо. Такое бывает. Вырастешь — поймешь. Хотя дай Бог, чтобы никогда не понял.

— Только ему здесь плохо, а все остальные не в счет! Все остальные — механизмы, биороботы, да?! Он невесту потерял и ревет, а я — трех детей, и ничего, это так, мелочи!..

Эмма задохнулась от ярости. Ее лицо дергалось, а ноздри трепетали. Антон притих. Сделав два глубоких вдоха и успокоившись, поднял на нее злые и вспухшие от слез глаза.

— Если ты не страдаешь, значит, ты не мать, а собака подзаборная.

— Да как ты смеешь судить меня - только потому, что я не распускаю сопли, как ты - слабак, падаль!..

— Успокойтесь, пожалуйста!

Волк говорил достаточно громко, но его не услышали. Они кричали друг на друга все яростнее и даже не заметили, как от их децибелов по тротуару побежали трещины. Бабушка Длора схватилась за сердце. Лапуфка шлепнулся на пятую точку и, посчитав это замечательным поводом для ора, распахнул рот пошире и взвыл. Недвижным и спокойным оставался только Чечен. Он высился утесом посреди шторма. Дома вокруг ходили ходуном, как картонные декорации, кариатиды у соседнего подъезда готовились опустить руки (пропади оно всё пропадом!), и даже небо, казалось, провисло, намереваясь упасть им на головы.

— Прекратите, — Бялка почти прошептала это слово, но голос ее перекрыл все иные звуки. Так бывает, когда стук в дверь прекращает самый горячий скандал.

— Прекратите немедленно. Разве вы не видите, что делаете ему больно?

Девушка дрожала, на побелевшей коже шрам казался еще заметнее, еще безобразнее. И все замолчали, застыли. Было стыдно, но за что и почему, никто не мог бы сказать.

— Прости нас, принцесса, — произнес за всех Волк.

— Передо мной вы ни в чем не виноваты, — Бялка прошла мимо всех и опустилась возле трещины на мостовой. Подула в нее, и края разлома стали сходить, зарастать. Когда они сомкнулись полностью, подошла к Лапуфке и, нагнувшись, поцеловала в пушистый затылок:

— Хорошо тебе: ты ближе всех к небу! — Затем повернулась к Эмме:

— С твоими детьми все в порядке, иначе и быть не может! — Дойдя до Антона, изуродованной рукой провела по его щеке (отчего он дернулся и скривился):

— Бедный, бедный мальчик! Открой наконец глаза... - Рядом с бабушкой Длорой она преклонила колени:

— Спасибо, что вы с нами. Пока вы рядом, мы всегда будем помнить о течении времени, о мудрости и доброте... — И та отвернулась, пытаясь скрыть подкатившую к глазам влагу.

Чечен встретил девушку объятием - подхватив на руки, он громко чмокнул ее в щеку. Затем очень осторожно, как драгоценность, поставил на землю, и она легко коснулась его черно-седой шевелюры.

— Ты смелый воин и устал от ран. Но главные битвы впереди!

К Волку она подходила последнему. Медленно, чуть ли не на цыпочках, словно боясь его взгляда — опасливого и молящего одновременно.

— Ты ведь поможешь мне, 'собиратель душ'? Я маленькая и слабая, одной мне не справиться. А я помогу тебе вспомнить о том, как ты летал, и забыть о том, как ты падал.

Он взял ее за руку.

— Я думал, синее — цвет твоих радужек, и только. Но ведь это не так просто. Синее — это и вечность, и мудрость, и высота. Ты - и то, и другое, и третье? — Отстранившись, он глухо добавил:

— Я боюсь тебя.

— Это пройдет, — Бялка тряхнула головой, вновь превращаясь в ребенка, смешливого и бесшабашного, уступившему ненадолго свое место кому-то другому.

Лапуфка бросился к ней, залиvisto хохоча, и уткнулся в колени. До сих пор вокруг было сначала страшно, потом непонятно, а теперь вновь стало хорошо. Она вытащила из своей прически самое яркое перо и торжественно протянула ему:

— Держи! Когда ты станешь птицей, оно украсит твой хвост.

И со всех разом спало оцепенение.

— Так что мы все-таки собираемся делать? — Волк с усилием отвел глаза от веселого лица со шрамом и с нарочитой небрежностью принялся разглядывать подъезд дома напротив, над которым в изящной виньетке была выбита дата '1885'.

— А что мы можем сделать? - осторожно поинтересовался Чечен.

— Да все, что угодно! — рассмеялась Бялка. Вот юродивая, — сплюнул Антон.

Но она продолжала хохотать, пропустив его реплику мимо себя. И, смеясь, предложила:

— Вот дом, а вот дверь в него! Мы можем войти в любую квартиру — мне всегда нравилось бывать в незнакомых домах и квартирах. Это как фильм смотреть или книгу читать. А еще — будто чужие жизни проходят сквозь твою собственную и меняют в ней что-то. Как вам такое?..

— Хочу, хочу! — Лапуфка запрыгал на одной ножке.

— Здесь наверняка домофон, — пожала плечами Эмма.

— Зря только ребенка раздражила.

— А мне кажется, для нас теперь открыто везде, - бабушка Длора нажала на ручку двери, и та подалась.

— Ух ты! — восхищенно присвистнул Волк. — Давайте начнем с мансардных квартир - в них высоченные потолки и много света.

Они долго бродили из квартиры в квартиру, зачарованно рассматривая оттиски чужих жизней. Лапуфка возился с игрушками, коих было множество. Бялка с веселым щебетом то подлетала к нему, вовлекаясь в его игры, то присоединялась к Длоре с Эммой, которые изучали семейные фотоальбомы, вышивки и макраме на стенах. Эмма пару раз примерила перед зеркалом чужие драгоценности, оба раза отчего-то скривившись. Волк с увлечением рылся в книгах. Чечен разглядывал курительные трубки и коллекционное оружие. Лишь Антону, каза-

лось, было все безразлично: с понурым и покорным видом он переходил со всеми из комнаты в комнату, с этажа на этаж, присаживался на стул или подоконник, ожидая, когда можно будет двигаться дальше.

— Лапуфка, что с тобой?

Бялка присела рядом с ребенком, который тихо всхлипывал, сжимая в руках белую плюшевую лошадку.

— У меня такая же была, мама подарила...

Девушка повертела игрушку, нажав нечаянно на живот, и та запела, нежно и мелодично: 'И только лошади летают вдохновенно...' Малыш залился еще пуще:

— Я к маме хочу...

— А мама тебе когда-нибудь колыбельные пела? — Неслышно подошедшая Эмма подняла малыша на руки и прижалась подбородком к теплой вздрагивающей макушке.

— Она про медведей пела... Вы знаете про медведей?

— Нет, маленький. Но я знаю другую. Давай я тебе спою, а ты засыпай.

Засыпай, мой маленький, я зажгу ночник.

Отпугну я воронов, прогоню собак.

Видишь, месяц ласковый к нам в окно проник?

Сбережет он сон твой, не допустит мрак.

А потом ты вырастешь, стану я стара,

Поседеют волосы и завянет рот.

Ты уедешь за море, буду я одна,

И напрасно буду ждать я у ворот.

Засыпай, мой маленький, и, пока нужна,

Охранять я буду твой беспечный сон...

Куплетов в самодельной песенке было много, голос лился ласково и заунывно, и малыш и впрямь быстро уснул. Его уложили на диван и укутали пушистым пледом.

— Слабенький какой... — прошептала Бялка. — Так много спит...

Эмма вместо ответа закатала на мальчишке рукав рубашки.

— Видишь? Ты о чем? — не поняла девушка. Следы от капельниц. Множество. Малыш тяжело болен...

— Интересно, есть здесь хоть что-нибудь съестное? — хмуро задал Антон вопрос в пространство.

— А мне совсем не хочется есть. Хотя не помню, когда в последний раз принимал пищу, — Волк задумчиво ошупал собственный живот, словно проверяя, присутствует ли он вообще.

— Я тоже не особо хочу. Но мне необходимо сделать хоть что-то привычное — чтобы почувствовать себя живым, а не снулым призраком.

— Думаю, съестное имеет смысл поискать на кухне. Обычно оно хранится там, — рассудительно заметила бабушка Длора.

— Полностью согласен с вами, мудрая леди. В меня сейчас вряд ли влезет хоть крошка, но я с удовольствием буду лицезреть, как с этим справится наш доблестный мальчик Антон.

Волк хотел потрепать оголодавшего собрата по плечу, но тот перехватил его руку и сжал. Силы, видимо, было в избытке, так как насмешник прикусил от боли губу, а взгляд его стал холодным, поистине волчьим.

— Никогда не фамильярничай со мной, — процедил Антон. — Я тебе не юродивая.

— Не называй ее так!

Волк отвел свободную кисть для удара, а противник отпустил его руку и поднялся, напрягшись для драки. Но между ними встала Эмма.

— Выяснять отношения идите в другое место, а здесь ребенок спит. И вообще, может, хватит цепляться друг к другу по любому поводу? По-моему, стоит и впрямь пойти на кухню:

не знаю, как насчет еды, но вот если мы обнаружим алкоголь, я обрадуюсь. Хотя выпивала в последний раз, будучи студенткой.

Антон, Волк и Эмма вышли из комнаты, не глядя друг на друга. Чечен, немного помедлив, последовал за ними. Бабушка Длора хотела подняться с кресла, в котором удобно устроилась, но Бялка остановила ее, присев на пол рядом и положив голову на ее колени.

— Посиди со мной, бабушка!

— Конечно, милая, — Длора хотела ласково провести по ее волосам, но тут же запуталась в нечесаной гриве и оцарапала палец — то ли о булавку, то ли о кончик пера. Мне страшно, бабушка.

— Я боюсь той ответственности, что на мне — ведь я одна предупреждена, одна знаю.

— Дочка, ты знаешь, что случилось - с нами и со всеми людьми?..

— Мы в вечном сентябре. Об остальном я пока сказать не могу, потому что сама не до конца понимаю. Или просто еще не время. Я еще не могу летать, но вот-вот получится. И вы тоже сможете, только для вас это будет не так важно, как для меня. Зато будет что-то другое очень важное — и никто, кроме вас, не поймет, что это и есть то самое.

— Скажи, деточка, мы ведь умерли?

— Я думаю, что это не так. Хотя и не уверена. Но мне, по большому счету, все равно. А вам разве нет?

— Ты права: для меня действительно нет разницы, жива я или уже мертва. Но вот им...

— Она покачала головой.

— У каждого своя боль, но кто-то выставляет ее напоказ, а кто-то прячет глубоко внутри. Я верю, что Он не сделал бы ничего плохого, и раз мы все здесь, то так надо.

— О ком ты говоришь, да еще с таким придыханием, что простое местоимение становится значительным и торжественным?

— Он — это город. Ведь именно по его воле мы все оказались здесь, в вечном сентябре.

— Ты с ним разговариваешь?

— Не я с ним, а он со мной. Вчера ночью я гуляла по набережной, и он шептал мне, что ему нужна помощь, что ему одиноко. А потом все куда-то исчезли, и я поняла, что мне нужно найти вас. Просто знала это, и все.

— И ты знала, сколько нас?

— Да. Вместе со мной семеро.

— Семеро... — протянула Длора с задумчивой улыбкой.

— Повезло же Волку, — произнесла она непонятно с чего, но девушка не удивилась ее реплике.

— Это мне повезло. Только вы пока этого не понимаете.

На кухне в это время разыгрывалась настоящая трагикомедия. Еду нашли быстро: собственно, ее и искать особо не пришлось - на плите стояла почти полная кастрюля свежего и даже горячего (!) борща. Волк, распахнув окно, уселся на подоконник и свесил вниз ногу. Чечен прислонился к стене, скрестив на груди руки. А Эмма, обшарив все шкафы в поисках заветной бутылки и ничего не обнаружив, с разочарованным вздохом приземлилась на табуретку. Антон под ироничными взглядами окружающих налил себе полную тарелку аппетитно пахнущего варева, уселся с ней за стол и принялся внимательно изучать. Эмма не выдержала:

— Ты собираешься это есть глазами или все-таки ртом?

Ничего не ответив, он втянул в себя со свистом воздух, зачерпнул полную ложку и опрокинул в рот, как водку — резко, стараясь не дышать.

2. Антон, или заблудившийся в воспоминаниях

У Антона было всё: стабильная и нескучная работа, семья - крепкая ячейка общества, состоявшая из мамы-папы-бабушки, и еще была Настена. Никто, да и он сам не понимал, почему эта хорошенькая, умненькая девушка, за которой бегали толпы поклонников, выбрала именно его. Ведь он не отличался ни особым интеллектом или талантом, ни правильными чертами лица, да и с деньгами часто была напряженка. Но искать причины этого он не старался - просто наслаждался самым большим ХОРОШО в своей жизни. Для Антона все в жизни было просто и понятно. И укладывалось в две категории: со знаком плюс и, соответственно, минус. Примитивно, зато совершенно и гармонично.

Сегодняшний день не укладывался никуда. Он вообще не умещался в голове, не охватывался рассудком — выламывался из него иррациональными углами и остриями.

Три пары глаз пристально смотрели на него. Серые — насмешливо, карие — сочувственно, черные — равнодушно. И тут Антона охватил страх: он понял, что не может ни жевать, ни глотать. Его рот наполняла ароматная густота, которую он всегда так любил раньше, да и сейчас она не была противна - но он не знал, забыл (!), что нужно делать дальше. Мышцы челюсти и гортани отказывались повиноваться.

Минуты три Антон пытался подчинить себе собственное тело. Поняв всю бесполезность этого, рванулся в ванную и выплюнул содержимое рта в раковину. Затем открыл кран и сунул голову под ледяную воду. Когда он вернулся на кухню, был встречен сочувственным молчанием. Он включился в это молчание, угрюмо прислонившись к стене. И услышал тихий сдерживаемый смех. Хохотали все: Волк, отвернувшись на улицу, Эмма, зажимая себе рот ладонью, и даже Чечен - хотя лицо было каменным, но плечи тряслись.

Антон словно увидел себя со стороны: мокрый ворот рубашки, крошки, прилипшие к губам, влажный ежик волос, капли воды, полосующие лицо... да еще ложка, которую он продолжал зачем-то сжимать в руке. И его взорвало — смех вырвался, сметя все преграды, взбурлив кровь. Наверное, это сильно смахивало на истерику.

Четыре человека содрогались в конвульсиях хохота, чуть ли не катаясь по полу. Когда все кое-как успокоились и отдышались, Антон пробормотал:

— Я, пожалуй, пойду пройдусь. Мне нужно побыть одному какое-то время.

— А ты нас потом найдешь? — осторожно спросила Эмма.

— Конечно. У меня прекрасная память на дорогу. Правда, я не совсем уверен, что мне захочется возвращаться.

Не дожидаясь ответа, он выскочил за дверь. Уже на улице Антон сообразил, что оставил свою куртку, но возвращаться не стал. К тому же холода он не чувствовал, напротив — улица окатила его волной тепла, не душного, но ласкового.

— Чертов город!

Антон с размаха пнул угол здания, за который поворачивал, и отшатнулся, вздрогнув: ему показалось, что здание было мягким, словно живое тело, и сжалось от его удара.

— Я просто сплю. Весь этот бред мне снится. Сейчас Настенька разбудит меня поцелуем и скажет, что пора вставать, ведь сегодня свадьба, а еще ничего не готово. Я ведь обещал ей вчера помочь...

Он брел, не разбирая дороги, бормоча про себя успокоительные слова, а Петербург скользил рядом, настороженно заглядывая в лицо темными провалами окон, глядя подошвы шероховатостью своих мостовых, и каждый памятник, мимо которого проходил Антон, поворачивал ему вслед каменную или бронзовую голову. Но он не видел этого, не смотрел по сторонам, пытаясь выплыть из бесприютной и бездонной тоски. Однажды они с Настенкой бродили по городу. Она была приезжей, с юга России, и смотрела на парадное величие северной сто-

лицы огромными восторженными глазами. А он пытался удивить ее, рассказать что-нибудь необычное из истории, но ничего подходящего припомнить не мог.

Единственное, что засело у него в мозгу — то ли из книжки, то ли после какой-то экскурсии — история о том, как император Павел покрасил свой Михайловский замок в цвет перчаток его фаворитки — кроваво-бурый. И хотя он никак не мог вспомнить имени царской любовницы, он все равно поведал спутнице эту историю. А потом они добрались до этого самого замка, и он оказался оранжевым. Настена долго смеялась, сказав, что Павел явно страдал дальтонизмом, а Антон, смутившись, путано объяснял, что здание просто перекрасили при реставрации...

Что-то странное случилось с пространством — он понял это, переключившись с воспоминаний на окружающий его мир. Он никак не мог оказаться на Политехнической улице. От центра добираться сюда пешком часа два, не меньше. Эта тревожная мысль проскользнула, уступив место волне жгучего стыда и отвращения к себе, охватывавшей его каждый раз, когда ему доводилось оказаться в этих местах, случайно или по делу.

Ему тогда только-только исполнилось восемнадцать, он сдал на права и радостно гонял на отцовской 'копейке' — впрочем, неукоснительно соблюдая правила движения. Она выскочила непонятно откуда, вдогонку за укатившимся ярким мячиком, а он не успел затормозить. До сих пор стоит в ушах крик матери, не сумевшей удержать свою маленькую дочку. Вины Антона не было, его даже не судили. Он не нарушил ни одного правила или закона. Но разве сознание этого могло воскресить крохотную девочку в желтой курточке и красной юбке, могло успокоить или хотя бы чуть-чуть уменьшить муку ее матери?..

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.